
УДК 821. 161. 1

ББК 83. 3 (2=Рус) 6

О - 83

Откидач Н.А.

Старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Ставропольского государственного педагогического института, филиал в г. Ессентуки, соискатель кафедры русской и зарубежной литературы Ставропольского государственного педагогического института, e-mail: nady_otkidach@mail.ru

Творческая личность А.Т. Губина
(по материалам писем, воспоминаний, эссе, интервью)
(Рецензирована)

Аннотация:

На материале эпистолярия, публицистики А.Т. Губина, воспоминаний о нем раскрываются отдельные черты его творческой индивидуальности. Рассматриваются вопросы творческого процесса, особенностей писательского труда, взаимоотношений с коллегами. Приведенный материал свидетельствует об оригинальности Губина-творца, его большой работоспособности, полной творческой самоотдаче, высокой самооценке.

Ключевые слова:

А.Т. Губин, творческая личность, творческий процесс, писательский труд, мироощущение, самооценка.

Otkidach N.A.

Senior Lecturer of Russian Language and Literature Department of Stavropol State Pedagogical Institute, Essentuki Branch, competitor for Candidate degree of Russian and Foreign Literature Department of Stavropol State Pedagogical Institute, e-mail: nady_otkidach@mail.ru

Creative person of A.T.Gubin
(As shown by the materials of letters, memoirs, essays and interviews)

Abstract:

Separate lines of A.T.Gubin's creative individuality are revealed on the basis of a material of his epistolary and publicist works and memoirs about him. Features of creative process and literary work and relations with colleagues are considered. The obtained material shows that Gubin-creator was an original writer, who was characterized by great working capacity, complete creative self-return and by high self-appraisal.

Keywords:

A.T.Gubin, the creative person, creative process, literary work, world-view, a self-appraisal.

Андрей Терентьевич Губин (1927 – 1992) – известный ставропольский писатель. С первых шагов в литературе он заявил о себе как о незаурядной творческой личности, подающей большие надежды, но при жизни ему удалось издать

только первые две свои книги – «Афина Паллада» и «Молоко волчицы». Последний роман при жизни автора выдержал девять переизданий, в том числе и в Берлине. После смерти писателя в его архиве почти в идеальном порядке были обнаружены рукописи еще 10 томов, среди которых очерки, эссе, рассказы, повести, романы, драмы, стихи, поэмы.

О Губине существует более 170 публикаций различного рода: информации, воспоминания, читательские отзывы, литературно-критические рецензии, монографии, но проблема его творческой индивидуальности никогда ранее не становилась предметом научного исследования. На основе имеющихся данных можно попытаться восстановить отдельные черты этой творческой индивидуальности.

Еще со времен военного детства Губин приучился подниматься до зари. Впоследствии он полюбил отдавать самые ранние часы творчеству. Соседи по дому в Кисловодске подметили: «Ранним утром в его кабинете зажигался свет» [1: 3]. И жена подтверждала: «А Ты вставал раньше всех, и я сквозь сон слышала стук твоей машинки» [2: 3]. По словам С. Подольского, довольно близко знавшего писателя, «Губин вставал в 4 – 5 утра со скворцами, пил мазутно-крепкий сладкий чай с сухарями – и за работу» [3: 3]. Подольский знал, о чем писал. В письме к нему от 28 февраля 1989 г. Губин признавался: «Я часов с четырех утра пишу часов до десяти. Потом на улицу. Потом – на кухню. Потом – газеты...» [4: 4].

За 5 – 6 часов Губин успевал написать до 10 – 12 печатных страниц, сразу печатая текст на машинке, и такая напряженная творческая работа не просто утомляла, а забирала все силы.

В письме к жене Андрей Терентьевич так описывал свой творческий процесс: «Встал, как обычно, в районе пяти утра, ставлю чайник на огонь, убираю постель, умываюсь, пью набор лекарств и к столу, за машинку. Часов в девять – де-

ять норму выполняю. Норма такая: я беру, как пчела мед, до тех пор, пока не почувствую: пусто, нектара уже нет, все цветы-медоносы обобрал, и теперь надо ждать следующего утра, чтобы чашечки цветов за сутки наполнились медом, который я таскаю в свои ульи, готовя рамки печатного меда. <...> Работаю не насильно, начинаю, и не могу остановиться, в крови это, да и привычка к хомуту за сорок с лишним лет» [5: 3].

Существует множество свидетельств о поразительной работоспособности писателя. «Андрей Губин истово работал» [6: 4], – кратко выскажется на эту тему тележурналист Ю. Самойлов, знавший и друживший с Губиным не один год. Подольский применительно к творческой работе Губина использовал словосочетание «адский труд» [3: 3], В. Переведенцев – «титанический писательский труд» [7: 2]. Да и сам писатель признавался: «Я так выматываюсь за машинкой, что не остается ни сил, ни времени... Работа <...> вытесняет все в моей жизни» [8: 8]. Поэтому не случайно Б. Карпов писал о «колоссальном напряжении каждодневного интеллектуального труда», которого не выдержало сердце писателя [9: 18]. О большой работоспособности Андрея Терентьевича говорит и следующий факт. В Кисловодском музее «Крепость» хранится обычный карманный ежедневник размером 14 на 10 см., который Губин использовал как записную книжку. Все 367 страниц этой книжки исписаны рукой Андрея Терентьевича за девять дней: с 22 по 30 июля 1987 года.

Губин признавался жене: «А я не могу дня без работы, меня сильно тянет писать, у меня это как голод, – а я-таки «проголодался» за последние месяцы – скорей бы в хомут, к тачке, в шахту, где мерцают изумруды слов, еще не сказанных...» [10: 3].

Она понимала, принимала его образ жизни, стиль работы, вспоминала, каким окрыленным, радостным бывал он, если

рабочий день складывался удачно, и, наоборот, – опустошенным, подавленным, если по каким-то причинам не удавалось поработать: «Если я с утра не сяду за машинку, я – корова, которую забыли подоить. Корове тяжело. Если не доить долго, лактация прекратится, молоко исчезнет» [10: 3].

На встрече с молодежью Предгорного района А.Т. Губин высказал мысль, в которой проявляется полная самоотдача автора творчеству: «Помните, как сказал о себе Достоевский? «Меня спасла каторга». Меня тоже – каторга труда, в котором я видел смысл больший, нежели моя личная судьба, мое положение в мире» [11: 5].

В интервью Л. Лобовой писатель позволил себе, на первый взгляд, парадоксальную фразу: «Поэт, художник редко бывает в благодатной обстановке, чаще – в экстремальной, враждебной творчеству, даже, если эта *экстремальность – семейное счастье, безоблачность и слава*» [12: 4].

Что это не просто заковыристая фраза, рассчитанная на внешний эффект, а действительное мироощущение писателя говорит другое высказывание писателя жене: «Если хочешь, *чтобы я перестал писать, создай мне идеальные условия* – дом, семья, уют, и я погибну, лучше всего могу писать только в одиночестве, тоскуя, страдая, жалея...» [5: 3]. О нелюбви писателя к благоустроенности упоминал и В. Гнеушев в статье «Углы Андрея Губина» [13]. И он уезжал в Москву, замыкался в свою однокомнатную квартиру на Чертаново и писал.

Д. Савченко запомнил одну короткую фразу Губина: «Писать надо голым», и потом пояснял: «В смысле полной свободы от всего постороннего, чтобы были только ты и книга, только твоя душа, только твои мысли. Иначе – это уже не творчество» [14: 8]. Поэтому Андрей Терентьевич предпочитал одиночество. Савченко говорил об этом со знанием дела и пониманием творца: «Он был

одинок не той бытовой неприкаянностью, когда никого нет рядом. Нет. Все у него было: и любимый сын, и любимая женщина – жена-друг, и друзья, и почитатели, как у всякого неординарного человека. Но существовал и другой мир, порог которого никто не мог переступить, где он был непонятен другим – людям иного склада, чем он. Их нельзя было пускать туда, чтобы не нарушить процесс самопознания. Он был одинок, а вернее, слишком индивидуален, как все одаренные творческие люди» [14: 8].

В свете сказанного небезынтересным выступает амбивалентное понимание Губиным слова «одиночество»: «Одиночество – начало смерти. Одиночество – страшная сила поэта. Самое коллективное, гуртовое существо – пчела, семья одного улья состоит из восьмидесяти тысяч членов, а мед берут в одиночку. Поэтому, несмотря на трагизм длительного отрыва от людей, общества, *одиночество – необходимое условие творчества*» [11: 5].

Два разнокачественных смысла: «начало смерти» и в то же время «страшная сила поэта». И он не мог обойтись без одиночества, призывал его в свои союзники в часы творческого акта, и только потом позволял себе общение с людьми.

С этой особенностью творческой личности Губина была связана черта, подмеченная у писателя С. Подольским: «Избегал лишних контактов, пожирающих время творчества, общался с большим разбором» [15: 4]. Об этом же и поэт А. Мосинцев: «Губин жил сам по себе, в стороне от литературно-критических процессов» [16: 4].

Андрей Терентьевич действительно вел преимущественно отшельнический образ жизни: уходил в номер кислородского санатория «Красный Октябрь», на дачу, в московскую коммунальную квартиру и писал неделями, месяцами. Не признавал панибратских отношений с товарищами по перу, держал себя на дистанции даже с теми, кто географически был

расположен недалеко от него. Характерно в этом плане, что ни Мосинцев, ни Подольский, встречавшиеся и общавшиеся с ним, себя друзьями Губина не считали.

У А.Т. Губина на свой счет было определенное самомнение: он был абсолютно уверен в себе, как в писателе. Высокая самооценка выработалась в нем не потом, когда его роман «Молоко волчицы» стал переиздаваться и пользоваться у читателя неизменным успехом, а еще в пору литературной молодости, когда он готовил к печати первую книгу рассказов. Свидетельством тому является воспоминание А. Мосинцева: «Губина начинающим я не знаю. В Ставрополе на семинаре творческой молодёжи края в начале 60-х встретил его уже сформировавшимся человеком и писателем. Об этом на заключительном совещании в краевом отделении Союза писателей говорили московские руководители прозаической секции, обсуждавшие его рассказы. Дескать, учить его нечему, Губину самому давно пора руководить семинарами подобного рода. Как мне показалось, Андрей Терентьевич такую оценку принял как само собой разумеющуюся – цену себе он знал» [16: 4].

В эссе «Как из свинца отливают золото» Губин писал: «На жизнь я смотрел как на нечто временное, неудобное, необходимое лишь для поэзии — и готовился к жизни настоящей, посмертной, в картонном склепе обложек моих книг» [17: 622]. Это не просто красивые слова: Губин действительно работал без расчета не только

на признание, но даже на то, что при жизни ему удастся издать все написанное. В марте 1989 г. больной, он писал из Москвы сыну: «Только бы меня не подвело здоровье. Оно мне нужно только для одного: чтобы успеть оставить после себя чистые, понятные рукописи. Может, они когда-нибудь заинтересуют людей» [18].

Буквально на пороге смерти, не образно, а физически чувствуя ее холодное дыхание, Губин, мысленно обозревая созданное за десятилетия творческой деятельности, давал аллегоричное описание осуществленному замыслу: «Под конец жизни я вижу башни и стены замка, который удалось столько-то построить: бумажные стены из рукописей, плотно окружающих меня, флаги на башне в тумане, еще не достроены. И вот карабкаюсь с кирпичами на спине кверху, кладу, строю... Не закружилась бы голова. Высота страшная, внизу океан и огромные десятиэтажные лайнеры или атомные авианосцы <...> отсюда – как бумажные кораблики...» [5: 3].

Образно, но наглядно: литературное строение почти завершено, небоскрежная высота здания такова, что огромные лайнеры и авианосцы кажутся бумажными корабликами...

Застенчивость не являлась главной добродетелью Губина: он знал себе цену и аттестовал свое творчество очень высоко, но окончательное мнение о нем как о творческой личности может быть сформировано только после того, как будет издано и освоено все его творческое наследие.

Примечания:

1. Куксов В. Мы живем на улице Губина // Кавказская здравница. 1993. 5 марта. С. 3.
2. Губина М. Салют памяти – алая калина // Кавказская здравница. 1993. 5 марта. С. 3.
3. Подольский С. Галактика Андрея Губина // Кавказская здравница. 1995. 4 марта. С. 3.
4. Губин А. «В люди ведь выйти легче, нежели стать человеком...»: письма С. Подольскому // Кавказская здравница. 1995. 3 марта. С. 4.
5. Губина М.Н. «Я сейчас – открытая рана...» // Кавказская здравница. 1992. 14 апреля. С. 3.

-
6. Самойлов Ю. «Я родня родников...» // Кавказская здравница. 1992. 10 марта. С. 4.
 7. Переведенцев В. Памяти Андрея Губина // Кавказская здравница. 1997. 18 октября. С. 2.
 8. Губина М. «Работа вытесняет все в моей жизни» // Кавказский край. 1992. № 17. С. 8-9.
 9. Карпов Б. «Мой читатель – в двадцать первом веке...» // Россия молодая. 1998. № 11-12. С. 16-19.
 10. Губина М. Не от мира сего // Ставропольская правда. 1992. 9 сентября. С. 3.
 11. Губин А. «Волк – синоним одиночки, но и он живет в стае» // Мой город. 1997. 1-7 октября. С. 5.
 12. Губин А. «Маски моих героев дарила богиня Афина Паллада» // Кавказский край. 1996. 31 октября-7 ноября. С. 4.
 13. Гнеушев В. Углы А. Губина // Ставропольская правда. 1999. 30 июля. С. 3.
 14. Савченко Д. Колокола боли нашей // Ставропольские губернские ведомости. 1992. 18 апреля. С. 8.
 15. Подольский С. Творящее одиночество // Кавказская здравница. 1993. 3 марта. С. 4.
 16. Мосинцев А. В рядах строителей коммунизма не был... // Кавказский край. 1996. 29 ноября-7 декабря. С. 3-4.
 17. Губин А.Т. Как из свинца отливают золото // Губин А.Т. Афина Паллада. Из книги поэтов. Нальчик; Ессентуки: Эль-Фа, 1996. 652 с.
 18. Письмо А.Т. Губина сыну А.А. Губину от 8.03.89 г. КИКМ «Крепость». Инв. № 6639 о.ф.